

ПЕРЕВОД В РУБРИКУ

Ш. Волин

Макиавелли: Политика и экономия насилия*

(3.) Природа политики и категории новой науки

Большинство исследователей, стремясь представить творчество Флорентийца как точку зарождения модерна, в основном занималось рассмотрением его аналитического метода, в особенности тех мест, где он касался причинных факторов, ведущих к определенным событиям. Не сомневаясь в важности этой проблемы, мы полагаем, что такой подход, ограничившись анализом явных черт «нового пути», упустил ряд новаторских элементов во взглядах Макиавелли. Но эта новизна не просто являлась свойством ряда позитивных, асертативных элементов его теории, но и в равной степени создавалась рядом существенных умолчаний. Взятые вместе, указанные свойства сделали возможным появление нового принципа экспликации понятий, определившего своеобразие и новизну мышления Макиавелли. Замена одного принципа выражения мысли другим позволяет сказать, что вся система символов, значений и чувств была полностью или частично заменена. Для того чтобы получить представление о том, насколько рознились между собой две эпохи, достаточно сопоставить противоположные по смыслу интерпретации легенды о Ромуле, данные Августином и Макиавелли. Для Августина злые деяния, совершенные Ромулом при заложении основ власти Рима, являлись политической версией драмы первородного греха: никакие свидетельства об имперском величии Рима не могли смыть с него клейма насилия.

* Перевод выполнен по изданию: *Wolin S. Politics and Vision. Continuity and Innovation in Western Political Thought.* Boston–Toronto: Little, Brown and Company, 1960. Ch. 7, § 3–6. P. 209–228.

Макиавелли был осведомлен об этих обвинениях, но утверждал, что достигнутое национальное величие послужило легитимацией деяний Ромула: преступления, совершенные политиками, подпадали под суд истории, но не морали¹.

Такое изменение в оценке показывало, что старые объединительные принципы уже не могли служить ни пониманию политических явлений, ни обеспечению возможности политического действия. Это означало также размывание тех концептуальных структур, посредством которых прежде схватывалась «природа политики», и начало изучения новых. Чтобы увидеть этот процесс, достаточно сравнить устоявшиеся, упорядоченные системы средневековой политической мысли с новой разновидностью языка, использовавшегося Гуччиардини – современником Макиавелли, который считал необходимым описывать современное ему состояние политики в образах, используемых обычно для описания свирепости природной стихии:

«Последствия французского вторжения распространялись по Италии как лесной пожар или мор, не только свергая правящую власть, но и меняя методы управления и способы ведения войны... все летело кувыркком, словно при внезапном урагане; связи, державшие правителей Италии вместе, были разорваны, их заинтересованность в общем благосостоянии была уничтожена. Оглядываясь вокруг, можно было заметить, как сильно затронуло это города, герцогства, королевства: каждое государство было напугано и заботилось только о собственной безопасности, забывая, что пожар в доме соседа легко может распространиться на их собственный дом. Войны стали быстротечными, жестокими, завоевать и опустошить королевство стало легче, чем раньше – небольшую деревеньку; осады городов стали очень короткими и успешно завершались за дни и часы, а не за месяцы, как раньше; бои отличались ожесточением и вели к массовым кровопролитиям. Не деликатные переговоры и дипломатические тонкости, а военные кампании и кулак солдата решали судьбы государств»².

Старое представление о природе политики как о микрокосме, порядок в котором обеспечивали те же структурные принципы, что и в мироздании в целом, – это представление было поколеблено, и природа политики теперь виделась как беспорядок, почти анархия. В прошлом перед теоретиками политики также

вставала задача перестройки структуры ее теории; у Платона или Августина предлагаемое решение состояло в удержании «макробеспорядка» в каких-то очерченных пределах. Подобный же эксперимент по упорядочиванию хаоса был проведен итальянскими авторами XVI в., мыслителями типа Макиавелли и Гуччиардини, значимость их попытки состояла в том, что она была предпринята без опоры на традиционные ориентиры прошлых столетий. С этим нас познакомили бесчисленные комментаторы, подчеркивавшие рационализм данного начинания, его нацеленность на поиск всеобщих законов, которые объясняли бы политические феномены на основе суждений опыта. В равной степени важно заметить, что ответ Макиавелли и Гуччиардини на отсутствие в политике упорядоченности содержал важные внерациональные элементы. В их сочинениях возникала тема природы «политического», пронизанной оккультными знаками и таинственными предзнаменованиями, которые были предметом толкований авгуров; именно эта природа была объектом посягательств непредсказуемой Фортуны³. Короче говоря, это политическая вселенная, в самом центре которой обитает волшебство.

«Причина таких событий должна обсуждаться и объясняться, я думаю, кем-то сведущим в вещах естественных и сверхъестественных, а мы не таковы»⁴.

Когда рациональное объяснение признается в своей недостаточности и пристраивается в хвост волшебству, это не проявление атавизма, а признак постхристианской эпохи. Мысль была освобождена от старой космологии, но оказалась бессильной перед фактом включения политических явлений в дехристианизированную вселенную.

Было бы излишним приводить примеры растерянности итальянских политиков, почувствовавших, что политическая природа потеряла внутреннюю связность: это было постоянной темой поэтов, историков и политических сочинителей. Говоря языком политической теории, возникла отчаянная необходимость в новых способах понимания. Это могло быть сделано только через формулирование нового языка политики и нового принципа обозначения, которые соединили бы между собой категории анализа. И то, и другое предполагало создание новой метафизики политики.

Одним из существенных аспектов политической метафизики Макиавелли было то, что она не имела отношения к систематической философии. Любая попытка снабдить ее таковой, предпринимавшаяся позднейшими комментаторами, неизбежно создает некую надуманную картину его мысли⁵. Лишенная философии, политическая метафизика может поначалу шокировать нас как нечто парадоксальное или, напротив, тривиальное, но эти реакции в значительной мере будут обусловлены нашим знакомством с современной политической мыслью, которая заставляет нас ожидать, что за политическими высказываниями, как правило, не следует философских обоснований, наличие же таковых вызывает раздражение. В этом мы – наследники Макиавелли: в основе его «нового пути» к политическому знанию лежало убеждение, что возможно сказать что-то значащее о политике, не создавая под это особой философии и даже не имея в виду каких-либо философских референций. Но подобный отказ от философии освободил его для создания чего-то нового – **аутентичной «политической» философии**, занимавшейся собственно политическими вопросами и целеустремленно исследовавшей диапазон явлений, составляющих ее прерогативу.

Развитие метафизики политики как части политической философии вытекает из его подхода к политическим явлениям: какова природа политических явлений? Как надо их трактовать? Каковы пределы понимания их и человеческого контроля над ними? Обращение Макиавелли к этим вопросам, понимание им природы политического проще всего уяснить с помощью платоновской постановки вопроса: каковы были бы последствия для политической мысли и действия, если бы условия жизни человека были сопоставимы с условиями существования постоянного обитателя пещеры? Какими будут находимые этим человеком смыслы, если все его существование будет определять мир мимолетных ощущений и поток явлений – мир, имеющий явно мало общего с целью приближения к твердым основаниям познания? С точки зрения Макиавелли, мир, являвшийся для политического деятеля миром действия, а для теоретика – миром, которому тот адресовал свои предписания, был тем местом, где «все дела человеческие находятся в вечном движении и не могут стоять неподвижно, будь это подъем или падение...»⁶. Политическое действие осуществляется в мире,

не имея под собой никакой постоянной основы, никакой всеяющей уверенность глубинной нормы бытия, на которую люди могли бы опереться, выводя из нее твердые правила поведения. Описанный Макиавелли результат такого положения совпадает с предсказаниями Платона: в мире быстротекущих явлений иллюзии будут уводить политика в ложном направлении. Но там, где Платон искал спасительного бегства в ясный мир сущностей, новая наука предпочитала изучать природу политических иллюзий как можно подробней. У Макиавелли трактовка иллюзий настолько хорошо обнажает новый характер политической теории, что заслуживает более подробного изучения.

Людям трудно, отмечал Макиавелли, принимать мир находящимся в непрерывном процессе становления: люди жаждут постоянства. Это подталкивает их к созданию иллюзорного мира, который затем становится основой их действия⁷. В человеческом поведении это часто выражается в привязанности к определенным привычкам, сохраняющейся несмотря на то, что их содержание давно было утрачено всем ходом событий. Люди предпочитали безопасность знакомого им ложного мира тревогам мира «настоящего», болезненная задача приспособления к которому должна решаться снова и снова. Противоположность консервативному миру, предопределенному привычкой, составляют иллюзии, порождаемые склонностью людей проецировать на мир собственные чрезмерные амбиции, надежды или страхи. Как будто человеку мало сотрясающих его и сбивающих с толку страстей: свои интеллектуальные способности он также не может не употреблять на измышление не проверенных опытом утопических идеалов. Поистине *homo faber opinionum falsarum* («человек, создающий ложные мнения») является прядильщиком мечтаний и иллюзий, скрывающих реальную природу событий. Даже когда люди пытаются быть ближе к реальности и желают действовать, исходя исключительно из непосредственных очевидностей, они все равно попадают в ловушку собственных упрощенных представлений о действительности. Поскольку, как сказано в многозначительном комментарии Макиавелли, в то время как «каждый способен видеть, лишь немногие могут понимать [что именно они видят. – *Ред.*]»⁸. Нет ничего столь же обманчивого в политике, как простая видимость, будь это видимость власти, репутации, богатства, великой армии или

устного обещания. Разочарование может постичь даже тех, кто отчаянно стремится избежать этих источников иллюзий и пытается основывать свои суждения строго на рассмотрении последствий. Последствия могут быть столь же обманчивыми и вводящими в заблуждение, как и любые другие явления.

Символом человеческих иллюзий стал для него образ вооруженной крепости. Крепость, во всей ее кажущейся основательности, воплощала ложную надежду на устойчивость, неизменность оснований политической и военной безопасности в беспокойном мире. Но символ подвергается и другому испытанию. Обманутый впечатляющей внешностью своей крепости, правитель начинает верить в свою неуязвимость и испытывает соблазн безнаказанно совершать жестокие и разнузданные действия. Иллюзия безопасности, таким образом, психологически служит причиной амбиций и властолюбия. Этот пример придает смысл одному из принципов новой науки: порок, в политическом смысле, часто является функцией иллюзии, добродетель – продуктом ясного видения.

Распространенность иллюзий не стала для Макиавелли поводом к крестовому походу во имя науки, призванной развеивать их. Вместо этого целью новой науки стало для него разоблачение тех из иллюзий, которые мешают правильному формированию политического целеполагания, вкупе с обучением политического деятеля тому, как самому создавать иллюзии и ставить их на службу собственным целям. В этой разоблачительной роли политическое знание позволило бы людям пробиться через массу искажений, препятствующих верной оценке частных ситуаций и вызванных предубеждением, ложными надеждами, жадностью, амбициями и общими заблуждениями относительно власти денег или роли численного превосходства в военных кампаниях. Другая роль политического знания – роль наставника в тонком искусстве по созданию иллюзий – нацелена на побуждение врагов к совершению дорогостоящих ошибок, вызванных неверными оценками и расчетами. Набор различных приемов: лесть, демонстрация мнимой силы или слабости, дезинформация, отвлекающие удары и т. д. – может создать псевдомир, который противник примет за реальный. Но и у этого искусства своя сложность. Там, где все политики склонны к созданию ложных миров, успех зависит от способности не только отличить истинный мир от ложного, но также избежать ловушки самообмана.

Из проведенного Макиавелли анализа иллюзий мы можем видеть, что новая наука больше похожа на знание, ориентированное на изменяющийся мир, чем на стремящееся постичь его как нечто застывшее. К тому же, если источники вечного хода событий лишь частично заложены в несовершенстве самого человека, которое могло бы быть отчасти исправлено знанием, есть и другие причины, которые нельзя устранить, а можно лишь ослабить. Во-первых, капризная Фортуна постоянно угрожает даже наилучшим расчетам. Во-вторых, из несовпадения человеческих устремлений также следует неопределенность исхода. На уровне отдельного города борьба за конкурентное преимущество принимала форму фракционной борьбы; по всему полуострову шло состязание за власть между господами, папами римскими и иностранными правителями; на международной арене правители беспрестанно испытывали силы друг друга на прочность, стремясь использовать всякое проявление слабости оппонента. Создать политическую теорию для мира случайных изменений (начинание, которое прежде никогда серьезно не предпринималось), означало отказаться от определенных видов изысканий, поскольку те уже не отражали значимых проблем. В мире, пульсирующем изменениями, мало смысла продолжать преследовать былую цель создания неизменного государственного устройства. К тому же намечались охлаждение в отношении вопросов легитимности власти, предполагающих устойчивость политического мира, и рост интереса к проблеме удержания власти над нестабильными сочетаниями меняющихся сил. Старые ценности мира, порядка и согласия стали рассматриваться новой наукой не как цели, но как объекты иронии: природа «политического» такова, что добро часто выступает в виде зла, порядок – в виде беспорядка, а культура – в виде анархии⁹. Мало того, ускользающая сущность событий затрудняет установление четких различий. Принуждения со стороны мира чаще выступают как необходимость, а не как правило логики, «необходимость принудит вас делать много вещей, которых не порекомендует разум»¹⁰.

Но если к политическому обществу нужно было подходить как к комплексу изменчивых сил, то как обстояло дело с традиционным классическим средневековым понятием органического государства? Мы видим, что Макиавелли вместо того, чтобы порвать с этим понятием, столь плохо согласующимся с ходом его мысли,

пытался выразить себя с помощью старой терминологии. В результате вместо четкой картины получился ряд образов, подобных новой гравировке, высеченной поверх не до конца стертой надписи. Временами он следовал старому классическому методу, уподобляя политическое общество живому телу, а политическое знание – медицине, прописывающей периодические клизмы как способ предупреждения дисфункций. Вдобавок Макиавелли использовал средневековую аргументацию, утверждая, что политическое общество напоминает живое тело и поэтому нуждается в голове, которая бы направляла и координировала движения членов. А порой в его творчестве возникало представление о государстве, легко переводимое на язык физики. Политическое общество характеризовалось им как обладатель способной к росту массы при постоянном количестве энергии; как таковое в своем существовании оно было ограничено во времени, и это при отсутствии гарантии, что отмеренный ему отрезок будет использован полностью. Причиной такого положения является наличие политического универсума, состоящего из подобных друг другу тел, находящихся в движении и сталкивающихся между собой. Возникающее трение приводит к утрате некоторыми из тел жизненной силы, скорости движения и, как следствие, собственных отличительных черт. В результате они оказываются вовлеченными в орбиты других тел.

При столь сложном строении политического универсума первой проблемой становится выработка языка описания, способного адекватно отобразить динамичный ход событий и в то же время задавать направление исследования. В истории подобная форма описания была найдена Макиавелли: достоинством языка истории является то, что описывая движение и изменение, этот язык также учитывает определенные константы, действующие в течение долгого времени. Другими словами, история, описывая поток событий, в то же время назначает ему некие мыслимые пределы. Из этого не следует, что постоянство более «реально», чем изменение. Фактически великим нововведением Макиавелли было утверждение о реальности движения и изменения и признание этой реальности основным объединяющим принципом: «Превратности, которым подвергаются империи, заставляют их переходить из порядка в беспорядок и впоследствии возвращаться еще раз к состоянию порядка. Природа мирового порядка не дает им долго пребывать на

ровном курсе; когда они достигают своего наибольшего совершенства, вскорости начинается упадок. Точно так же, когда беспорядок одолевает их и низводит до самой низшей степени подавленности, неспособные погрузиться еще ниже, они с необходимостью должны подняться; и таким образом от добра они постепенно опускаются к злу, от зла опять возвращаются к добру»¹¹.

Понятие времени как непрерывного процесса упадка и обновления резко отличается от христианской идеи времени как собирательного измерения, ведомого провидением к высшей точке исполнения. Согласно христианской версии, превратности истории зависят от добра и зла, пребывающих в постоянном количестве, — меняется только их распределение. В античные времена добродетель была сконцентрирована в Риме; после падения Рима она распределена в неравных пропорциях среди нескольких наций. Из этой веры в то, что в истории имеются периоды качественного взлета, Макиавелли выводил заключение: пример республиканского Рима дал последовавшим векам вневременную модель, на которую и следует опираться в политической деятельности и в создании политических институтов. В продемонстрированной римлянами способности управлять событиями заключался элемент преодоления, и эту-то способность овладевать ситуацией можно было обнаружить в любом великом деянии, независимо от эпохи.

Если бы история могла обеспечить нам неизменный массив знаний, не подверженный влиянию потока событий, это оставляло бы надежду на уменьшение неопределенности в политике и давало бы возможность иного ответа на тот вопрос, который наводил на размышления греческих философов и христианских богословов. Но место вневременного разума и вневременной веры занял новый путь, пока еще не хоженный никем; именно его по-своему отразили донесенные историей вневременные образцы величия. В предисловии к первой книге «Рассуждений на первую декаду Тита Ливия» Макиавелли развивал это утверждение через пространное сравнение между современным состоянием искусства, медицины и закона, с одной стороны, и бедностью наличного политического знания — с другой. Прежние области преуспели в систематизации очищенного от случайностей опыта прошлого, но в политике мы не находим ни государя, ни республики, которые обращались бы вспять к античности за примерами. Между тем расхождение

между политическими и другими формами знания могло бы быть преодолено, если бы люди смогли осознать, что античная история содержала в себе практические уроки. Полагать, что им невозможно подражать, что прошлые образцы величия не имеют отношения к сегодняшним дням, значит утверждать, что каждая отдельная ситуация в каждом веке не имела параллелей. «Как будто то, что небеса, солнце, вещества и человек имели в своем движении, своем порядке и в своем потенциале, вдруг стало отличаться от того, чем они имели обыкновение быть на самом деле»¹². Хотя сказанное и не подразумевает, что политические действия должны рабски подражать прошлому или отказываться от изменения античных предписаний в свете текущих обстоятельств, оно-таки содержит утверждение о существовании не подверженного времени массива примеров, набора моделей, проверенных не столько опытом, сколько их исторически продемонстрированными последствиями.

Вера в то, что исторические примеры содержат политически релевантное знание, имеет существенное значение также для тех, кто вовлечен в политическую деятельность. Хотя Макиавелли не считал, что последняя может быть сведена к простому следованию примерам из античности, его теория подражания действительно предлагает радикальный разрыв со старым представлением, согласно которому лицами, вовлеченными в политику, должна быть освоена философская мудрость. Теперь подразумевалось, что совокупность знаний, внешнюю по отношению к политическому деятелю, формирует политическая мудрость, способная научить его, как действовать в соответствующих обстоятельствах. Но это не было формой знания, которым он действительно обладал в смысле, в каком обладает знанием реальности философ-платоник; это был только ряд предписаний, которые он приобрел путем познания.

Внешний характер политического знания связан с концепцией политики Макиавелли. За исключением тех немногих случаев, когда сама судьба дает возможность и «материал» для истинно творческой задачи создания новой системы, политическое действие предполагает работу с массой переменных, которые невозможно свести к устоявшейся форме в любой отдельно взятый промежуток времени. Мир политики неоднозначен, в нем «невозможно удалить одно затруднение без появления другого», «невозможно найти во-

проса, который был бы ясно поставлен и не вызывал новых вопросов»¹³. Вот почему политическое действие является высоко манипулятивным, а не архитектурным. Его цель – политическое мастерство, а не политическая монументальность. Политическое действие не может, следовательно, быть сплавом личности деятеля с его объектом; политические явления существуют для того, чтобы быть освоенными, взятыми под контроль.

Контроль в свою очередь означает восхождение на «вершину» событий путем следования двойной стратегии создания надежных инструментов действия, таких как дисциплинированная армия, и достижения зависимости других политических деятелей от своей собственной воли. Когда эта стратегия успешна, она соответствует определению политической власти, данному Макиавелли: обладать властью означает быть в состоянии контролировать действия других, манипулировать ими и тем самым подчинять ход событий своим желаниям. Но, вопреки мнению некоторых комментаторов, под контролем Макиавелли не имел в виду только техническую эффективность. Новая наука предназначена быть основанием для новой политической этики. Таким образом, знать ход событий значит иметь возможность применять благоразумие или прозорливость; выбирать тип действия, соответствующий данной ситуации; обладать восприимчивым и пронизательным разумом, который позволял бы взвешивать несколько факторов одновременно, так же как и даром просчитывания в воображении возможных последствий. Политические условия требуют большой резкости и решительности, потому что в политике часто необходимы чрезвычайные и жестокие действия. В этом заключен и призыв к отваге в противостоянии неожиданным бедам, приносимым Фортуной. Но более всего политический деятель нуждается в характере, позволяющем действовать без гарантии успеха, которую дает определенность.

«Никакое государство не должно полагать, что оно может всегда творить планы с гарантированным успехом, рассчитывать следует только на результаты, успех которых сомнителен. Ведь все происходящее в мире людей учит нас, что человек, пытаясь избежать одного неудобства, сталкивается с другим. Благоразумие, стало быть, состоит в способности признать неистребимость неприятных помех и принять наименьшее из зол за лучшее»¹⁴.

Существенный аспект моральных качеств, необходимых политическому деятелю, составляет, по Макиавелли, публичный, обращенный вовне характер. Эти качества представляют собой маску, приличествующую публичной фигуре; у них нет никакой внутренней ценности. Итак, в то время как новая наука является для теоретика объектом морального долженствования, «обязанностью доброго человека является указывать другим на то, что сделано хорошо, даже при том, что превратности времени или фортуны не позволили Вам сделать это для себя»,¹⁵ – у тех, кто должен практиковать ее диктат, она предполагает чисто политическую мораль, потому что сама политика рассматривается только как необходимость, а не как высшая ценность. Экстериоризация добродетели есть не более чем символ отчуждения человека от политического универсума. Таков, как это ни иронично, был конечный продукт столетий стоическо-христианского критицизма, выраженный на языке реализма.

(4.) Политическое пространство и политическое действие

Концепция политического пространства у Макиавелли несла на себе отпечаток той эпохи, когда старые системы контроля вышли из строя и высвободившиеся в результате этого силы представляли угрозу для установления порядка. Средневековая структура давно уже находилась в состоянии упадка, разъедала устоявшиеся стереотипы поведения, оставляя политическое пространство открытым для столкновения человеческих амбиций. Вот как зафиксировано это впечатление у Макиавелли:

«Античные авторы считали, что люди свыкаются с бедой или пресыщаются процветанием, и оба эти состояния вызывают одинаковые последствия. Ведь когда нет необходимости людям сражаться, они сражаются из честолюбия; и столь сильно честолюбие охватывает сердце, что никто никогда не отступает от своего интереса, как бы высоко он ни оказался. Причина этого в том, что природа создала людей такими, что, несмотря на их желания, не всё является для них достижимым; так что желаний всегда больше, чем возможностей для достижения этих желаний, но люди не успокаиваются на этом, и действительное их положение

приносит им недостаточное удовлетворение. Отсюда и фортуна становится переменчивой. В то время, когда одни желают иметь больше, другие боятся потерять то, что они уже имеют, появляется вражда и войны, что и ведет одну из сторон к упадку, а другую – к возвышению»¹⁶.

Умы, не знающие покоя, безграничные притязания, ненасытная гордость, беспокойный тип политического человека, то терзаемого тщеславием, то изнывающего от скуки – вот мотивы, приведшие в совокупности к сужению политического пространства в мире, ставшем теперь тесным и перенаселенным. Пространство со слишком малым числом областей, открытых для неограниченного движения, оставляло один выход для политически амбициозных личностей: низложение тех, кто уже занимал определенные области. Это нашло соответствующее выражение во внимании, которое новая наука Макиавелли посвящала наставлению «нового человека» в искусстве завоевания и возвращения власти. Другим выражением данного отношения было презрение Макиавелли к наследственному правлению. Такие системы представлялись анахронизмом, поскольку политическое пространство так основательно вошло в оболочку старых законов, обычаев и привычек, что проблемы бесконтрольной энергии не возникало. Как отметил Макиавелли, наследственные правители имели меньше причин и необходимости обижать своих подданных; всё, что они должны были делать, – это уважать существующие ожидания. С другой стороны, нет «ничего труднее для планирования, а тем более для осуществления, и ничего опасней для поддержания», чем создание новой системы. Новый правитель должен переустраивать политическое пространство, переделывая законы, искореня старые привычки и переопределяя законные пути для амбиций. Перед теми же из политических систем, где разложение не зашло так далеко, подобная задача имела менее героические очертания.

Пример «нормальной» тихой республики служит иллюстрацией техники перенаправления человеческой энергии. Дилемма, которая возникает в таких государствах, состоит в том, что мирное состояние вызывает крушение амбиций и талантов великих людей и в то же время придает смелости маленьким людям бросать вызов великим. Последних толкает на беспорядки надежда, что кризис создаст спрос на их не востребовавшие таланты. Правильная по-

литика, считал Макиавелли, состоит в содержании граждан в бедности, а государства – в постоянной близости к войне, так чтобы потребность в великих людях не ослабевала.

Есть и другие техники для уменьшения угрозы демонических энергий: энергии можно сублимировать в занятиях хозяйством и ремеслами; их можно перераспределять путем основания новых колоний. При этом способности новой науки в части преобразования состояния перенаселенности ограничены. К счастью, когда напряжение внутри политического пространства становится слишком велико, природа устраивает очищение в форме наводнений, эпидемий и голода:

«...Когда каждая провинция изобилует обитателями, которые не могут ни найти пропитание, ни переехать куда-либо, поскольку все другие места заняты и переполнены, и когда искусство обмана и злонамеренность человека зашли так далеко, как только можно, мир должен нуждаться в чистке... так чтобы род человеческий, будучи сокращен бедой до сравнительно немногих и скромных размеров, мог принять более благоприятную форму для жизни и развиваться лучше»¹⁷.

Проблема пространства для жизни также заставила Макиавелли рассмотреть ее связь с экспансионизмом и разрастанием государств вширь. Межгосударственные отношения вызывают трудности того же порядка, поскольку в них превалирует все тот же закон относительных преимуществ. Усиление одной нации означает ослабление другой, а также общее перераспределение ресурсов в масштабе системы государств. Но если верно, что международная нестабильность есть простое продолжение того напряжения, которое разрушает внутреннюю политику, верно и то, что конфликты и агрессия между государствами, подобно оздоровительному конфликту внутри них, могут иметь благоприятные последствия. В первую очередь даже для мирной республики выбор не в том, чтобы расширяться или оставаться неизменной, а в том, насколько расширяться. Необходимость «жизненного пространства» частично диктуется потребностью в том, чтобы перенаправить разрушающие внутреннюю политику энергии, частично же в том, чтобы защитить государство от агрессивных соседей и, наконец, чтобы поддерживать у населения гражданские добродетели. Мир, где государства находятся в постоянном движении, исключает возмож-

ность выживания республики, если она не расширяется вместе с миром; даже если бы этот императив каким-то чудом исчез, республика была бы погублена неиспользованными энергиями, которые не были поглощены внешними войнами.

Вместе все эти соображения составили ядро новой науки: ее центральной темой стала проблема политического действия в условиях перенаселения. В отличие от Платона, Макиавелли не позволял себе решать проблему путем составления законодательства с чистого листа. И поскольку его новая наука поставила себе задачу писать на той табличке, которая несла на себе следы прежних надписей, она могла лишь в ограниченной степени следовать эстетическому импульсу классической политической теории. Только глубоко коррумпированное политическое состояние оправдывало отношение к обществу как к глине, которой придает форму абсолютная власть политика-творца. В обществах же, избавленных от коррупции, эстетический импульс должен найти удовлетворение в расчетливом манипулировании политическими факторами. Поскольку новая наука не имеет дела с застывшими организмами классической и средневековой теории, *corpus immobile*, она имеет дело с хищными движущимися телами, телами-пожирателями, поглощающими своих соперников, *corpus vorans*.

(5.) Экономия насилия

Если до Макиавелли было немного теоретиков политики, готовых оспорить элементарное утверждение, что «безопасность человека невозможна, если только она не сочетается с властью»¹⁸, то еще меньше теоретиков было готово объявить власть доминантой государства. В самом деле одной из постоянных забот западного теоретика политики всегда было и остается хитроумное плетение вуали эвфемизма, позволяющей прикрыть уродливый факт насилия. По временам он излишне звучно говорит о «власти», «справедливости» и «законе», как будто эти почтенные выражения сами по себе могут трансформировать принуждение в простое ограничение. В самом деле психологическое воздействие власти смягчается и деперсонализуется, если его преподносят как агента объективного добра. Также верно то, что существуют бесчисленные

изошренные формы принуждения, которые неравнозначны экстремальному насилию. То, что применение насилия рассматривается как что-то ненормальное, является знаменательным достижением западной политической традиции, хотя, если это воспринимать слишком обыденно, можно упустить из виду тот изначальный факт, что ядром власти является насилие и что исполнение власти часто есть применение насилия к чьей-то личности или владениям. Предшественников Макиавелли нельзя упрекнуть в игнорировании власти. Классические и средневековые теоретики говорили долго и пространно о ее брутализирующем и коррумпирующем воздействии на тех, кто призван ее исполнять. Однако они редко обращались к проблеме кумулятивного воздействия на общество постоянно повторяющегося принуждения и частого использования насилия. Этот уход от темы возник в основном потому, что внимание к власти изначально возникло в связи с установлением или реформированием политической системы. Подразумевалось, что поскольку движение шло по предначертанным путям, поскольку правильное образование, распространение знания или веры, улучшение общественной морали и все другие воздействия, вытекающие из надлежащим образом организованного окружения, уже начали действовать, то в дальнейшем будет все меньше нужды в систематическом применении силы. Не легче увидеть, каким способом современный теоретик политики осветил проблему, поставив в центр рассмотрения концепции «принятия решений», «политического процесса» или «кто, что, когда и как получает». Всё, что можно сказать с уверенностью, – это то, что позитивизм не устранил практики употребления эвфемизмов для обозначения власти и насилия.

При Макиавелли эвфемизмы были отставлены, и государство стало прямо рассматриваться как властная группировка. Было установлено, что последняя специализируется на насилии. Макиавелли считал, что без применения силы или по меньшей мере угрозы насилия жизненно важные проблемы политики останутся без контроля и руководства. Это заключение частично опиралось на скептицизм по поводу того, что У.Йейтс однажды назвал «профанным совершенством человечества». Еще его можно считать следствием убежденности в естественной нестабильности политического мира: этой последней можно противопоставить

(правда, лишь отчасти) решительность действия. Однако не менее важную роль в становлении понятий власти и насилия играет характер контекста, в котором осуществляется власть: речь идет о перенаселенности политического универсума, делающей смехотворной любую попытку просто на словах перевести власть в разряд тривиального руководства или надзора за ходом дел в обществе. Роль политического деятеля неизбежно состоит в применении насилия. Это особенно остро ощущается в случае, когда правитель после захвата им власти вынужден «организовать всё в этой стране по-новому». «Новый государь, превыше всех остальных государей, не может не прослыть жестоким»¹⁹. Даже когда перед политическим деятелем не вставала задача создания «чистого листа», он не мог избежать нанесения кому-нибудь ущерба. Он должен действовать, вопреки противодействию заинтересованных кругов, вопреки ожиданиям, привилегиям и правам, амбициям и надеждам – всему тому, что требует первоочередного доступа к ограниченному количеству благ.

Такова природа политического действия. То же, что называлось одержимостью властью у Макиавелли, правильней описать как его убежденность, согласно которой максимум, что может дать «новый путь», это создать систему экономии насилия, науку контролируемого применения силы. Задача такой науки заключалась бы в сохранении линии, помогающей различить политическое созидание и разрушение. «Ибо тот человек, кто использует насилие для порчи вещей, а не тот, кто использует его для исправления вещей, достоин осуждения»²⁰. Контроль над насилием зависит от способности новой науки предписывать точную дозу, подходящую к специфической ситуации. Так, например, в коррумпированных обществах насилие является единственным средством приостановки распада, кратковременной, но суровой шоковой терапией, предпринимаемой в целях восстановления гражданской сознательности населения. В других ситуациях вполне возможно отсутствие необходимости в экстремальных мерах; людьми можно управлять, играя на их страхах или ограничиваясь простой угрозой насилия. Но каждое применение насилия должно тщательно обдумываться, поскольку неразборчивое применение силы и постоянное нагнетание страха способно спровоцировать величайшую из всех опасностей для любого правительства, а именно: широкое распростра-

нение преубеждений и ненависти, погружающих людей в пучину отчаяния. Истинным показателем того, правильно ли применялось насилие, является увеличение или сокращение жестокостей на исследуемом промежутке времени.

Внимание к теме экономии было продемонстрировано Макиавелли при публичном обсуждении им внешних форм насилия – войны, империализма и колониализма. Одной из основных задач «Искусства войны» было продемонстрировать, что, в то время как военные действия остаются неизбежным фактом политики, их дороговизна могла быть сокращена при должном внимании к стратегии, дисциплине и организации. «Государь», как и «Беседы», следовал той же теме экономии и давал следующие советы: государю надлежит бережно относиться к своим ресурсам, поскольку, хотя война и может быть начата в мгновение ока, из-за пустяка, остановить ее не так-то просто; ненадежная армия неэффективна в качестве инструмента насилия, поскольку она умножает разрушения, которые победа никак не компенсирует; избежать необходимой войны бывает дорогим делом, но продлевать ее было бы еще дороже; государь, обнаруживший, что в результате победы его позиции ослабли, переоценил свои властные ресурсы.

В вопросе об империализме Макиавелли прибег к примеру Рима по той знаменательной причине, что римская имперская политика стремилась сохранить благосостояние населяющих ее народов и их собственных институтов, тем самым снижая размеры разрушения как для завоевателя, так и для завоеванного. Если с империализмом обращаться умело, можно минимизировать разрушительность последствий и свести весь процесс к простой смене власти. С римлянами, контролировавшими использование насилия, контрастируют те разрушительные войны, к которым людей вынуждали такие напасти, как голод, мор или перенаселение. Нужда является антагонистом сознательно применяемого насилия.

Хотя принцип экономии насилия распространялся у Макиавелли как на внутреннюю, так и на внешнюю политику, он никогда всерьез не рассматривал предположение, что частота употребления силы может быть существенно снижена в международной политике. Результаты насилия могут быть подконтрольны, но необходимость прибегать к нему не уменьшится. Он видел совершенно ясно, что отсутствие арбитражных установлений, таких как

закон и институциональная процедура, оставляют международное поле более незащищенным перед конфликтами интересов и игрой амбиций, чем внутри страны. С другой стороны, он верил, что международная политика общества может быть структурирована различными методами, направленными на минимизацию нужды в крайних мерах или репрессиях. Значение закона, политических институтов и навыков гражданственности состоит в том, что с точки зрения регулирования поведения человека они помогают сократить число случаев, в которых нужно было прибегать к силе и устрашению.

Наиболее важное проникновение Макиавелли в проблему силовой политики во внутренних делах произошло, когда он начал исследовать то, каким образом влияние политической системы зависит от активной поддержки ее рядовыми членами. Он осознал тот факт, что народное согласие представляет собой форму социальной власти, которая, будучи правильно эксплуатируемой, сокращает число насильственных проявлений, направленных против общества в целом. Одна из причин превосходства республиканской системы заключена в той поддержке, которой она пользуется у населения, а не в насилии, чинимом над ним. Экономия насилия, которая возникает по мере осознания народом своего соучастия в функционировании политической системы, должна была культивировать эту народную поддержку в интересах государя. Без нее ему пришлось бы записывать акты насилия на свой собственный счет, и конечным результатом на этом пути стали бы «чрезвычайные меры» насилия. «Чем больше его жестокость, тем слабее становится его режим»²¹. Далеко не ограничивая его инициативу, народное одобрение может быть применено для снижения размеров насилия, сопровождающего радикальные реформы, а ведь в этих случаях назначаемая насилем цена бывает непомерной. В «консенсусной революции» (*commune consensu*) пострадать придется лишь немногим.

Оценивая экономию насилия Макиавелли, легко раскритиковать ее как продукт, отражающий склонность технолога к действительным мерам. Такому веку, как наш, ставшему свидетелем беспрецедентной эффективности тоталитарных режимов в использовании террора и насилия, трудно сохранять толерантность в данном случае. Однако рассматривать Макиавелли как филосо-

фа – сторонника гиммлеризма – было бы ошибкой; и главное здесь не только в том, что Макиавелли относился к учению о насилии как к средству сокращения количества страданий в политической сфере, а в осознании им опасности передачи этого инструмента в руки морально бесчувственных людей. В действительности он надеялся способствовать своей экономией насилия «чистому», т. е. незапятнанному гордыней, амбициями или мотивами мелкой местности использованию власти. Более адекватным было бы противопоставление Макиавелли и великого современного теоретика насилия Жоржа Сореля. Это истинный пример безответственного политического интеллектуала, воспламененного романтическими позывами героизма, проповедующего использование насилия во имя целей, которым сознательно и гордо придаются неясные очертания иррационального «мифа», пренебрегающего мыслями о цене, ослепленного видением мужественных пролетарских варваров, которые оживят находящийся в состоянии упадка Запад. По контрасту с этим в размышлениях Макиавелли о варварской и дикой разрушительности нового государя, отметающего принятые устои общества и «не оставляющего от них камня на камне», не найти ни намек на детский восторг. Есть у него, однако, и лаконичная ремарка, что лучше быть частным лицом, чем решаться на карьеру, приводящую к гибели людей. Поэтому можно предположить, что теоретик, подобный Макиавелли, убежденный в ограниченной эффективности силы и посвятивший себя описанию более эффективных техник ее использования, гораздо более чувствителен к моральным дилеммам политики и озабочен сохранением человека, чем те теоретики, которые, будучи исполнены морального негодования и жажды героического возрождения, проповедуют очищение в священном огне насилия.

(6.) Этика: политическая и частная

Для большинства комментаторов макиавеллевский государь предстает воплощением героического эго, воодушевленного вызовами политической борьбы, чуждого угрызений совести и не видящего никакой трагедии в недолговечности его собственной миссии. Вплоть до этого места мы намеренно использовали термин «поли-

тический деятель» вместо слов «государь» или «правитель», чтобы предположить, что, представив государя как разновидность деятеля или актера, играющего много ролей и носящего многие маски, мы сможем лучше увидеть, что Макиавелли дал нам нечто большее, чем одномерный портрет властолюбца. На самом деле перед нами портрет современного политика, нарисованный с драматичной выразительностью: вместе с героизмом в нем отражено страдание, вместе с созидательностью – одиночество и неуверенность.

Эти обертоны являются составной частью новой сцены политического действия. Деятель-актер у Макиавелли предстает, если заимствовать фразу Мерло-Понти, «выражением раздробленности мира» («l'expression d'un monde disloqué»)²². Он выступает на сцене вселенной, замершей в моральной неподвижности: здесь нет ни предугаданных значений, ни имплицированной телеологии – «все выглядит так, словно мир изнежилась и небеса утратили свою силу»²³ – и у политического космоса больше нет этого удобного прибежища, управляемого всевышним монархом, наставником земных правителей. И всё же в силу своего призвания «политический человек» вынужден действовать, дабы утвердить свое существование в качестве полностью политизированного создания. Быть преданным политическому действию означает отказаться от всей полноты жизненных проявлений и сконцентрироваться исключительно на единственном измерении жизни – политике.

В силу своего положения политик должен быть актером, поскольку он готовит себя не к какому-то одному политическому состоянию, но ко всему разнообразию таковых. Обстоятельства изменяются, изменяется сам тип сплетения политических факторов, поэтому успешный политический актер не может позволить себе иметь устойчивый и однообразный характер. Он должен постоянно переоткрывать свою идентичность в роли, выбранной изменением времен. Изменчивость политического актора, каким его видит Макиавелли, находится в резком противоречии с классическим и средневековым представлениями о характере хорошего правителя. Старые авторы рассматривали политическое знание как позволяющее людям установить стабильное положение, обрести точки устойчивости, в границах которых становилось возможным этическое поведение. Следуя этой цели, они подчеркивали важность тренировки характеров людей, чтобы, к примеру, приучать людей

к добродетели – этой предпосылке блага. По этой причине классические и средневековые авторы проявляли подозрительность к «благоразумию» и редко помещали его в разряд главных добродетелей. Благоразумие предполагает характер, чересчур суетливо реагирующий на изменяющиеся условия.

Вопреки распространенному мнению, в своей критике традиционной теории морали Макиавелли не был ни циником, ни им-моралистом. Также не вполне корректно полагать, что он намеревался отделить нормы политического поведения от норм взаимоотношений в приватной сфере. Скорее он был озабочен тем, чтобы, во-первых, указать ситуации, где политическое действие должно было соответствовать стандартам, принятым в частной сфере. Так, если правительство функционирует в стабильной, безопасной ситуации, оно должно было следовать общепринятым добродетелям, таким как сочувствие, добрая воля, честность, гуманность и религиозность. В этих обстоятельствах публичная и частная этика суть одно и то же. Второй же задачей Макиавелли было показать, что, поскольку большинство политических положений нестабильны и склонны к изменениям, сообщество и народ управляются иным способом, чем частное лицо. Принимать правила обычной морали означало связать свое поведение набором устоявшихся привычек. Но эта ригидная модель поведения не приспособлена к капризам непостоянного мира. Кроме того, действовать шаблонно означает просто вооружать своего оппонента способностью предвидеть, каковы будут наши действия в каждой конкретной ситуации. Дополнительная трудность заключается в том, что действовать приходится в мире, где другие деятели не следуют тому же самому кодексу морали²⁴. Конечно, похожий вопрос возникает и в частных взаимоотношениях, в случае если другой человек не придерживается единых с нами моральных устоев; но есть здесь и различие, поскольку различна мера ответственности: в последнем случае она задается индивидуальными страданиями морального человека в аморальном обществе, а в первом – риском, что из-за моральной ущербности правителя пострадает всё общество.

Но если политика ставит проблемы, для разрешения которых обычная мораль непригодна, из этого не следует, что между политическим действием и диктатом традиционной морали нет никакой связи. Прежде всего трудно управлять обществом и пользоваться

его поддержкой, если все действия правителя нарушают нормы морали, разделяемой обществом. Правитель как политический актер должен быть «искусным притворщиком и лицемером», он должен «казаться» носителем таких добродетелей, как благонамеренность, милосердие, гуманность и религиозность. Это часть его владения искусством иллюзий. «Люди так просты и так подвержены насущным нуждам, что тот, кто обманывает их таким образом, всегда будет находить тех, кто позволяет себе быть обманутым»²⁵.

Основной вопрос, однако, состоит в том, верил ли Макиавелли, что мораль – не что иное, как фактор, способствующий политической манипуляции. Что есть мораль: набор ограничений или просто один из факторов успешного действия? Сказанное Макиавелли на этот счет настолько существенно, что заслуживает полного цитирования:

«Я даже осмелюсь сказать, что добродетели вредят государю, который обладает ими и всегда блюдет их, но если он выглядит, будто обладает ими, они полезны. Я имею в виду, что ему следует казаться сочувствующим, достойным доверия, человеческим, честным и верующим и действительно поступать так; но при этом ему следует так подготовить свой ум, чтобы, когда будет необходимо не применять эти добродетели, он был бы способен поступить противоположно и сделал бы это искусно. Следует понять, что государь, особенно новый государь, не может видеть всех вещей, из-за которых люди считаются хорошими, поскольку он часто должен, если он желает поддержать свое правление, действовать наперекор доверию, наперекор милосердию, наперекор человечности, наперекор религии. Поэтому необходимо, чтобы он имел ум, способный повернуться в любом направлении, какое требуют ветры Фортуны и различный ход дел, и ...что он не должен отделяться от того, что морально правильно, если он может это соблюдать, но ему следует знать, как принять то, что плохо, если он должен будет это сделать»²⁶.

Этот отрывок показывает, что вместо шельмования Макиавелли за указание им границ применимости частной этики следовало бы направить внимание на двойственную роль, которую создают эти границы для политического актора. Последний вынужден действовать в атмосфере некой коллизии: принятые моральные ценности ограничивали бы его поведение в обычных обстоятель-

ствах, в то время как в ситуации политической необходимости в игру вступает иная, сугубо политическая этика, сопровождаемая новым знанием. Сама по себе каждая из этих форм этики неадекватна. Действия, признаваемые плохими, но оправдываемые политической этикой, если их не обуздать запретами обычной морали, подстегивают амбиции, а те способны приводить к разрушительным последствиям. С другой стороны, если обычная мораль распространится на ситуации, на которые она не была рассчитана, последствия будут разрушительны для порядка и власти, а они сделали возможной частную мораль. Для политического актора ситуация выбора того, каким типом этики следует руководствоваться, мучительна, и хотя новая наука смогла обеспечить ему процесс выбора, она ничем не компенсировала тот факт, что он вынужден частично пребывать за пределами того, что обычно считается добром. В конечном счете это означает, что Макиавелли разошелся с классической теорией, которая подходила к проблемам политического действия с вопросом: как могут люди, посвятившие свою жизнь политике, развивать свой моральный потенциал. Но у Макиавелли проблема стояла более остро, поскольку у него уже не шло речи о достижении государственным деятелем морального совершенства, способного благоприятно воздействовать на сообщество; вместо этого он ввел в обиход фигуру политического деятеля, долг которого состоял в нарушении морального закона ради сохранения своего общества.

Стремление к моральному совершенству не могло быть реализовано политиками еще и по другой причине. Традиционные этические нормы действовали при допущении, что результатом этического поведения будет создание более предпочтительного положения дел; что, например, честное и добропорядочное поведение создавало бы такие же честные и добропорядочные ситуации, как и порождающее их действие. Но Макиавелли отрицал возможность столь прямолинейного преобразования этических актов в этические ситуации; взамен он выдвинул утверждение об иронии, присущей сфере политического действия. «Некоторые вещи выглядят добродетельно, но если их применить, результат будет разрушительным... другие вещи кажутся порочными, однако, будучи применены, принесут государю безопасность и благосостояние»²⁷. Таким образом, существует своего рода алхимия политических

условий, где добро трансмутирует в зло, а зло – в добро. Возьмите, к примеру, классическую либеральную добродетель, которая предписывает, чтобы акты милосердия отличались сдержанностью внешних проявлений. Для макиавеллевского политического актора такой совет был бы абсурдным: ведь он – не частный донор, а публичная фигура, чьи действия для того, чтобы выглядеть значительными, должны подаваться в широковещательном, даже вульгарном стиле. Но даже с такой поправкой сомнительно, чтобы либеральность была принята в качестве политической добродетели. Политический актер обычно расходует не свои личные, а общественные ресурсы. В политическом окружении дух либерализма находит свою материализацию в налогах, а они неизменно вызывают негодование у народа. Таким образом, такой порок, как скупость, становился политической добродетелью; он фактически трансформировался в нечто либеральное, поскольку обеспечивал подданным большую, чем прежде, степень владения своей собственностью. Или же возьмите случай доверчивого правителя, отказывающегося верить, что большинство людей порочны и готовы обманывать на каждом шагу. Если правитель такого типа взялся бы править в соответствии с добродетелью милосердия, он должен был бы начать применять все более суровые и жестокие меры, чтобы удерживать власть. С другой стороны, противоречия политики таковы, что правитель, при необходимости прибегающий к разумной жестокости, проявлял бы тем самым истинную гуманность. Жестокость, используемая экономно, более прощительна, чем милосердие, поскольку если первая затрагивает лишь немногих (остальным же достаточно лишь страха, что эта участь распространится и на них), то второе порождает беспорядки, которые наносят ущерб внутреннему разнообразию (*una universalita interna*). Тем не менее оправдание жестоких мер не означает, что любой метод удержания власти морально равноценен любому другому методу. Жестокость может быть полезна в достижении определенных целей, таких как безопасность, но истинной славы она не принесет.

Озабоченность Макиавелли недостатками традиционной этики и поиски им этики, политически более релевантной, опирались на его твердое убеждение относительно бессвязности человеческого существования. Это отражалось в его взгляде на исто-

рию. История рассматривалась им не как плавно текущий континуум, но как процесс, взрываемый всплесками разрушительной активности, сводящими на нет достижения прошлого и саму память о них и обрекающими человека на вечную работу по восстановлению утраченного. Не менее важно то, что бессвязность возникает между различными формами существования в рамках одного временного отрезка. Религия, искусство, экономическая, частная и публичная жизнь – казалось, любая из этих сфер живет по своей особой логике, не будучи связана с другими никаким общим для всех их гетерономным принципом. Таким образом, человек существует погруженным в раздробленную вселенную, и его особое страдание проистекает от того, что он вынужден жить в нескольких чуждых мирах одновременно. И если политическое существование составляет один из таких миров, то для упорядочивания этого существования нужен набор релевантных критериев. Под релевантностью же Макиавелли в свою очередь понимал условия применимости этих критериев, то есть особый мир политики. Это выражалось в частом использовании им слова *necessita* (необходимость) в описании политических ситуаций. Под этим словом он имел в виду не форму детерминизма, а скорее набор обстоятельств, бросающих вызов политической креативности человека; справиться с этими обстоятельствами он может, только если будет рассматривать их как чисто политические, исключая из сферы своего внимания все остальное.

Применительно к этике это означало не то, что политика должна обходиться без этических критериев, но то, что такие критерии не могут быть импортированы «извне». Неспособность оценить это привела многих современных критиков Макиавелли к ложным дилеммам. Отсюда не следует, что, как полагает один современный писатель, коль скоро политика предполагает этику, отличную от частной жизни, «моральные императивы не имеют абсолютной ценности»²⁸. Это неправильная постановка вопроса; настоящие вопросы следующие: какая мораль? Что значит «абсолютный»? Главное, что хотел показать Макиавелли своими рассуждениями, это что именно из-за неизбежно автономной природы политики установление критериев для действия является здесь абсолютной необходимостью и для следования этим критериям необходимо делать выбор соответствующих средств. Коротко говоря, отрицание

гетерономии вовсе не обязательно влечет за собой отрицание морали в политике – точно так же, как из отрицания существования этических абсолютов не следует невозможность этических критериев как таковых.

Перевод с английского В.И.Солонниковой, И.И.Мюрберг

Примечания

- ¹ *Augustine* De Civitate Dei, III, 6, 14–15, позиция Макиавелли на этот счет выражена в Государе (ч. VI) и Рассуждениях (I, ix).
- ² Цит. по: *Gilbert F. Machiavelli: The Renaissance of the Art of War // Edward M. Earle* (ed.) *Makers of Modern Strategy*. Princetons, 1944. P. 8–9.
- ³ *Machiavelli*. Prince, XXVI (2); Discourses, I, lvi *passim*; II, xxxii (6); History, VI, vii (p. 299–301); VIII, vii (p. 401–402); *Guicciardini Opere / Ed. V. de Caparisi*. Milan, 1953. P. 431.
- ⁴ *Machiavelli*. Discourses, I, lvi (3). У Джозефа Крафта (*Kraft J. Truth and Poetry in Machiavelli // Journal of Modern History*. 1951. Vol. XXIII. P. 109–121. P. 110) есть оценка этого внерационального компонента. Понятие Фортуны и ее исторического фона рассматривается в: *Cioffari V. The Function of Fortune in Dante, Boccaccio and Machiavelli // Italica*. 1947. Vol. XXIV. № 1. March. P. 1–13. У Макиавелли судьба – уже не инструмент божественной воли, как у Данте. Для него она – символ неподконтрольных сил.
- ⁵ В качестве примера см. отличное исследование Макиавелли: *Mesnard P. L'essor de la philosophie politique au XVIe siecle*. P. 17–68.
- ⁶ *Machiavelli*. Discourses, I, vi (9). См. также классическое изложение этого принципа у Галилея: «Не могу не поражаться – можно даже сказать, испытывать чувство интеллектуального негодования – слыша, что изначальному совершенству и благородству природных и составных тел вселенной приписывают качества незыблемости, неизменяемости и пр., а изменимость, порождаемость, способность к мутациям слывет большим несовершенством. Я же со своей стороны считаю Землю благороднейшим, достойным восхищения созданием именно вследствие происходящих на ней непрерывных разнообразных изменений, преобразований, рождений» (*Galileo*. Dialogue Concerning the Two Chief World Systems – Ptolemaic and Copernican, trans, by Stillman Drake I. Berkeley, 1953. P. 58).
- ⁷ *Machiavelli*. Discourses II, xxiii (5); III, xxxi (i); «Часто стремление к победе делает их слепыми ко всему, что способно служить их цели» III xlvi (перевод мой. – Ш.В.). См. также интересную ремарку о типе заблуждения, которому особенно подвержены приезжие: II, xxxi (i). On the illusion created from the hope that a short-run situation will be permanent (Об иллюзии, порождаемой надеждой на то, что кратковременная ситуация станет постоянной): iv (P. 178–180); V, iv (231–232); *Machiavelli Prince*, XV (i); *Discourses*, II, xxvii.

- ⁸ *Machiavelli*. II Principe, XVIII. P. 306 (lines 9–11); *Machiavelli. Discourses*, I, xxiv (i); II, xxii (i).
- ⁹ *Machiavelli*. History, V, i (P. 202–203). Этот принцип отражен также в убеждении Макиавелли, что ущербной является любая форма правления, а значит, традиционная шестичастная классификация форм правления менее существенна для политического ученого, чем та легкость, с которой осуществляется переход одной формы в другую, противоположную ей: *Machiavelli. Discourses*, I, ii (4).
- ¹⁰ *Ibid.* I, vi (9).
- ¹¹ *Machiavelli*. History, V, i (p. 202). Я слегка изменил перевод. – *Ш.В.*
- ¹² *Machiavelli*. Discourses. Preface (3).
- ¹³ *Machiavelli*. Discourses, I, vi (6); Prince, XXI (7).
- ¹⁴ *Machiavelli*. Prince, XXI (7).
- ¹⁵ *Machiavelli*. Discourses, II, Preface (7).
- ¹⁶ *Ibid.* I, xxxvii (i).
- ¹⁷ *Ibid.* II, v (4).
- ¹⁸ *Ibid.* I, i (8); *Machiavelli*. History, II, ii (52–53).
- ¹⁹ *Machiavelli*. Prince, XVII (i).
- ²⁰ *Machiavelli*. Discourses, I, ix (2).
- ²¹ *Machiavelli*. Discourses, I, xvi (5).
- ²² *Merleau-Ponty M.* Humanisms et terreur, 8th ed. Paris 1947. P. 205. Добавим, что Мерло-Понти дал очень полезный анализ Макиавелли, осуществленный с экзистенциалистских позиций: *Merleau-Ponty M.* Machiavelisme et humanism // *Umanesimo e scienza politics*. Milan, 1951. P. 297–308. Традиционную позицию, согласно которой Макиавелли был «учителем зла» и антихристианином, см. в: *Strauss L.* Thoughts on Machiavelli Glencoe, Ill.: Free Press, 1958.
- ²³ *Machiavelli*. Discourses, II, ii (7).
- ²⁴ *Machiavelli*. Prince, XVIII (3).
- ²⁵ *Ibid.* XV; *Machiavelli*. History, V, i (202–203).
- ²⁶ *Ibid.* (5).
- ²⁷ *Ibid.* XV (3).
- ²⁸ *Nestle W.* Politik und Moral im Altertum // *Neue Jahrbücher für das Klassische Altertum, Geschichte und deutsche Litteratur und für Pädagogik* (1918) S. 225.